

## СИНТЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ РОССИИ

А. А. ВАСИЛЬЕВ\*



Васильев Антон Александрович,  
доктор юридических  
наук, доцент, заведующий  
кафедрой теории и истории  
государства и права Алтайского  
государственного университета

Статья посвящена обоснованию синтетической концепции правопонимания в трактовке представителей консервативной правовой идеологии России. Автор доказывает своеобразие российской традиционалистской концепции права с опорой на произведения отечественных консерваторов. Аргументируется тезис о том, что право в консервативном мировоззрении представляло собой единство религии, нравственности и закона в виде концепта «правда». Правопонимание в российском консерватизме есть особая синтетическая теория права, которая отличается от попытки соединения естественно-правовой, позитивистской и социологической концепций. Автором обосновывается восприятие традиционным российским мировоззрением права как фактора стабилизации общественной жизни и критикуется рас пространенное суждение о нигилизме российской консервативной правовой мысли. Идеалом общественного и государственно-правового развития для консерваторов является превращение прину-

дительно организованного общества в свободную, соборную общину верующих — церковь, где действуют внутренняя правда, совесть и Божий закон, а не формализованные юридические правила и принуждение. Закон, формальная, внешняя правда, занимает подчиненное место по отношению к духовно-нравственным ценностям любви, добра, долга, справедливости и милосердия и должен служить средством борьбы со злом, обеспечения минимального добра в обществе, за пределами которого лежат общественный хаос и социальная анархия. Закон должен вбирать в себя духовные начала общества. Закон является одним из элементов живого, органического соединения религии, нравственности (традиций) и формального права в едином регуляторе «Правда». Охранительство видело опасность права в двух плоскостях: правовой идеализм и волюнтаризм законодателя и использование права как формы закрепления антитрадиционных либеральных или социалистических идей и ценностей. По существу консерваторы уловили закономерность секуляризованного общества: чем слабее становятся традиционные регуляторы, тем выше становится роль формального закона. Однако чем выше становится роль закона

\* Anton A. Vasiliev — doctor of legal sciences, associate professor, head of Department of Theory and History of State and Law, Altai State University.

E-mail: anton\_vasiliev@mail.ru

© Васильев А. А., 2016

среди социальных регуляторов, тем больше растет преступность, анархия, беспорядок и соответственно возрастает сфера применения государственного насилия. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правопонимание, консерватизм, правда, нравственность, сорборность, синтетическая концепция права.

VASILIEV A. A. SYNTHETIC THEORY OF LAW AS INTERPRETED BY THE REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN CONSERVATIVE IDEOLOGY

The article is devoted to the substantiation of the synthetic concept of law understanding as interpreted by the conservative legal ideology in Russia. The author demonstrates the uniqueness of the Russian traditionalist concept of law based on the works of the Russian conservatives. The paper argues the idea that the law according to the conservative worldview is a unity of religion, morality, and a statute in the form of the concept of "truth". Law understanding in the Russian conservatism is a special synthetic theory of law which differs from the attempt to connect the natural law, positivist and sociological concepts. The author explains the perception of law by the traditional Russian ideology as a factor of stabilization of social life and criticizes the widespread statement about nihilism of the Russian conservative legal thought. Transformation of an involuntary organized society into a free conciliar community of believers, the church, where the inner truth, conscience and law of God, rather than formal legal rules and coercion, are applied, was an ideal of the public and state-legal development for the conservatives. A statute, formal external truth, takes a subordinate position in relation to the spiritual and moral values of love, goodness, duty, justice and mercy and shall serve as a means of fighting the evil, of ensuring the minimum goodness in the society beyond which there is a social chaos and social anarchy. The statute shall absorb spiritual principles of the society. The statute is one of the elements of a living, organic combination of religion, morality (traditions) and formal law into a single regulator, the "Truth". Conservatism saw the danger of law in two aspects: a legal idealism and voluntarism of the legislator and usage of law as a form of fixing anti-traditional liberal or socialist ideas and values. Essentially, the conservatives grasped the regularity of the secularized society: the weaker the traditional regulators are, the greater the role of the formal law is. However, the greater the role of law among other social regulators is, the level of crime, anarchy, and disorder is higher and the scope of state violence is increasing accordingly.

KEYWORDS: law understanding, conservatism, truth, morality, conciliarity, synthetic concept of law.

Конкурирующие в современном правоведении типы правопонимания (естественно-правовая школа, юридический позитивизм, социологическая юриспруденция, историческая теория права, интегративная теория В. Г. Графского, диалогическая концепция И. Л. Честнова и др.<sup>1</sup>) практически исключают возможность признания особого, традиционалистского правопонимания. Методологически ситуация в правовой науке усугубляется своеобразным пессимизмом в правопонимании, когда чуть ли не признается невозможность адекватного понимания сущности права<sup>2</sup>. С одной стороны, на признание самостоятельной теории права в рамках россий-

<sup>1</sup> Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 27; Честнов И. Л. Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна // Там же. 2001. № 3. С. 46; Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Там же. 2006. № 1. С. 31–40.

<sup>2</sup> Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 68–84.

ского консерватизма влияет господство предрассудков и мифологем: европоцентризм и отсутствие у России собственной правовой традиции; характерная для российского традиционного сознания нигилистичность по отношению к закону в сравнении с правдой. С другой стороны, как ранее отмечалось, консервативная правовая идеология России скептически относилась к построению каких-либо теоретических догм, что существенно влияло на возможности конкуренции традиционализма с рациональными теориями права. А. С. Карцов по этому поводу заметил: «Подобно любому консерватизму, русский консерватизм в отличие от враждебных ему идеологий не обладал неизменной и отчетливо сформулированной доктринальной основой»<sup>3</sup>. Кроме того, консервативная правовая мысль на протяжении двух столетий непрерывно эволюционировала, и в ней далеко не всегда было единство по целому ряду принципиальных вопросов.

Пожалуй, исключением в современном правоведении является коммуникативная теория права А. В. Полякова, которая автором рассматривается в качестве интегральной (синтетической) концепции, основанной на российской правовой традиции<sup>4</sup>. В частности, А. В. Поляков отмечает: «Российской философии права есть что сказать в обоснование интегрального правопонимания в его коммуникативной версии, так как магистральное направление ее развития связано с этой идеей. Серьезные шаги в этом направлении были сделаны уже в дореволюционной России (правовая концепция В. С. Соловьева, школа возрожденного естественного права, феноменологические версии права, плюралистическая теория права Б. А. Кистяковского, синтетическая теория права А. С. Яценко и др.)»<sup>5</sup>.

Тем не менее консервативная правовая идеология России выработала собственный методологический инструментарий, который основан на принципах цивилизационного плюрализма, традиционализма, историзма и др., предполагающих анализ политико-правовых явлений в культурном контексте с активным привлечением социально-психологических и историко-антропологических данных (архетипов, ценностей, идеалов и пр.). Р. В. Насыров так характеризует традиционализм как метод правового исследования: «Главной чертой традиционализма является не идеализация прошлого и стремление вернуться к нему, а признание религиозно-онтологических начал, которые должны определять смысл общественного и индивидуального бытия. Это мировоззрение направлено не только в прошлое; в его основе надежда на возврат к принципам Традиции в будущем, но это не означает повторение прошлого»<sup>6</sup>. При всем различии направлений и оттенков консервативной правовой идеологии России, ее исторической

<sup>3</sup> Карцов А. С. Правовая идеология русского консерватизма (II половина XIX — начало XX веков): дис. ... д. ю. н. М., 2008. С. 137.

<sup>4</sup> Поляков А. В. 1) Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. СПб., 2003; 2) Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник для вузов. СПб., 2004.

<sup>5</sup> Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М., 2016. С. 105.

<sup>6</sup> Насыров Р. В. Традиционализм как метод исследования и критерий оценки права // Консервативная правовая мысль России: межвуз. сб. статей / под ред. А. А. Васильева. Барнаул, 2012. С. 77.

эволюции (славянофилы, почвенники, охранители и др.) все-таки можно выявить общее для консерваторов понимание права. При этом автор исходит из того, что подобное обобщение условно, и далеко не все консерваторы придерживались такого синтетического взгляда на право. Например, Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин в значительной степени положительно относились к идее естественного права.

Европоцентризм, до сих пор являющийся определяющим для российского правоведения, не позволяет раскрыть особое, по-своему глубокое, а главное, исконное, традиционное правопонимание в России. Необоснованная презумпция многовековой эволюции России вне юридической парадигмы создавала иллюзию необходимости восприятия русской культурой юридического опыта Запада, когда Россия вступила на путь модернизации. По нашему мнению, именно консервативной правовой мысли России удалось показать самобытность, мировоззренческую и практическую пригодность понятия права в русской духовной культуре.

Консерваторы справедливо указывали на уникальность не только русской духовной культуры, но и восприятия русским народом права. И. В. Киреевский в XIX в. точно заметил: «Даже самое слово “право” было у нас неизвестно в западном смысле, но означало только справедливость, правду»<sup>7</sup>. Как показали результаты современных исследователей, консерваторы были правы в том, что право в русском сознании связывается с нравственностью, правдой, справедливостью, а не с государством установленными юридическими правилами поведения<sup>8</sup>. Фактически из всех теорий правопонимания лишь консервативная правовая идеология смогла выразить традиционное для российского правосознания восприятие права.

К примеру, авторитетный российский специалист по русскому юридическому языку Т. В. Губаева проводит сравнение представлений о праве у европейских народов и славян и замечает: «У христианских народов Европы полностью совпадает словесное обозначение правой стороны тела и права как совокупности юридических норм или эти слова имеют одно значение. Согласно традиционным воззрениям за правым плечом пребывает светлый ангел, за левым — демон... Однако задолго до этого, ещё в языческие времена, славянам было известно близкое по содержанию понятие святости, выраженное архаическим корневым элементом *svet* — процветающий. Так обозначали возрастание, набухание, вспухание, существенное увеличение объёма либо иных физических параметров, воспринимавшихся как результат действия особой жизненной силы... Впоследствии идея святости соединилась с христианским образом “всеединства сущего” — Истины, Красоты и Добра... Эти представления, составившие основу всей духовной культуры русской нации, были сформированы с общественным сознанием уже к середине XI в. и сосредоточены в главном мировоззренческом концепте “святой правды”, или “правды-

<sup>7</sup> Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2007. С. 355.

<sup>8</sup> Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2006.

истины» как особой жизненной позиции и высшего нравственного идеала поведения»<sup>9</sup>.

Консервативные правоведы России обратили внимание на то, что сущность права в русской культуре определяется традиционным мировоззрением, сформировавшимся еще в VIII–IX вв. и продолжающим превалировать в XX и XXI вв. Традиционное мировоззрение русского народа очевидно отличалось от европейского правосознания рядом черт:

- глубокое, синтетическое, синкретичное единство религиозных, нравственных и правовых принципов, объединяемых идеалом Правды;
- преобладание внутренней, совестной стороны в переживании права — правды над внешней, формально-юридической стороной права;
- отсутствие ощутимого влияния римского права на русскую правовую традицию вплоть до начала XX в. (лишь отдельные нормы и институты проникали в русское право через византийское право и то лишь в области церковного права). Так, В. А. Томсинов, анализируя влияние византийской традиции на русское право, констатирует: «...степень влияния правового наследия Византии на древнерусскую юриспруденцию была весьма ограниченной. Ее черты определялись в большей мере условиями экономического, политического и культурного развития Древней Руси, особенностями общественного сознания русского народа»<sup>10</sup>;
- приоритет идеалов соборности, социального служения и обязанностей, отчасти обусловленных отсутствием частной собственности вплоть до конца XX в., господством крестьянской общины и хозяйства, служением всех сословий государству;
- преобладание обычного, неписаного права, выражающего народные идеалы правды, совести, справедливости.

Консерваторы не смешивают нравственные идеалы и формальное, государством установленное право. По их мнению, внутренняя правда, живущая в сознании русского человека, — это высшие духовные ценности, которым человек покоряется по зову сердца и совести без внешнего принуждения со стороны государства. Идеал для консерваторов состоит в нравственном возвышении души человека по православным заповедям любви к людям, а не в обеспечении собственной свободы при помощи государственного закона. В начале XVIII в. в «Книге о скудости и богатстве» И. Т. Посошков отмечал: «Паче вещественного богатства надлежит всем нам вместе печься о невещественном богатстве, то есть об истинной правде; правде — отец Бог, и правда умножает богатство и славу, и от смерти избавляет; а неправде отец дьявол, и неправда не только обогащает, но и древнее богатство умаляет, и в нищету приводит,

<sup>9</sup> Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2007. С. 18–20.

<sup>10</sup> Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. 2009. № 4. С. 26.

и смерть наводит»<sup>11</sup>. Российский консерватизм, соединяя нравственность и право в едином регуляторе, все-таки различает их сущность и предназначение. Противоречие в таком взгляде на взаимоотношение нравственности и права обусловлено двумя причинами, которые снимают саму контроверзу в толковании закона консерваторами по сути. Во-первых, закон (формальное право) занимает важное, но не доминирующее по своему значению в социальном регулировании место. Закон подлежит применению, когда не срабатывают два других регулятора (религия, нравственность) и возникают социальные конфликты. Во-вторых, далеко не всегда закон может воплощать в себе правду и быть частью единого социального регулятора. Именно в том случае, когда закон отступает по своему содержанию от нравственности (правды), он приобретает скептическое восприятие в консерватизме, например, в попытках только на законе построить общественный порядок или провести через закон модернизацию общества по европейским идеалам и т. п. В консервативных трудах закон только тогда терял свою религиозную санкцию, когда выступал проводником антитрадиционных для российской культуры ценностей. Пафос критики закона со стороны консерваторов нужно воспринимать, как призыв согласовывать право (закон) с традиционными ценностями России.

Православное учение консерваторов исходит из постулата о том, что в своем духовном мире человек делает выбор в пользу добра или зла. Его поведение — результат нравственного выбора. Поэтому консерваторы смотрят в корень — душу человека, его нравственное состояние, а не только на внешние последствия человеческого поведения.

К. С. Аксаков по этому поводу писал: «Закон нравственный, внутренний требует, прежде всего, чтобы человек был нравственный и чтобы поступок истекал, как свободное следствие его нравственного достоинства, без чего поступок теряет цену. Закон формальный или внешний требует, чтобы поступок был нравственный по понятиям закона, вовсе не заботясь, нравственный ли сам человек, и откуда истекает его поступок. Его цель — устроить такой совершенный порядок вещей, чтобы душа оказалась не нужна человеку, чтобы и без нее люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди... и общество бы благоденствовало. Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства»<sup>12</sup>.

Иными словами, внешней правде безразлично состояние души человека, единственное, что необходимо от человека, — соблюдение закона. Мотивы подчинения закону для внешней правды не имеют никакого значения — из-за страха перед наказанием, боязни общественного суждения и т. п. По этой причине соответствующими закону являются конформистское и маргинальное поведение, а также те поступки человека, которые социально вредны, но допустимы (курение, употребление алкоголя и т. п.). Человек может быть внутренне и безнравственным, хотя и действующим в соответствии с юридическими нормами. Как только ослабевает контроль

<sup>11</sup> *Посошков И. Т.* Соч. М., 1842. С. 26.

<sup>12</sup> *Аксаков К. С.* Собр. соч.: в 3 т. Т. I. М., 1889. С. 56.

в отношении такого человека, его порочная душа вырывается на волю в виде нарушений права.

Для консерваторов немыслимо, чтобы жизнь человека зависела от действия принудительного закона. Формализм и принудительность разрушают естественность и органичность общественного мира. Не может система принудительных правил быть идеалом порядка в обществе. Общество, основанное на принуждении людей к добру, очень хрупко и может рухнуть под гнетом порока и зла. Власть и общество, равнодушные к нравственности, недолговечны и рано или поздно разрушаются. Традиционалистские мыслители призывали к нравственному совершенствованию человека, духовному лечению общественных недугов, которым бессильны помочь принуждение и законы. Закон слаб в смысле нравственного воспитания человека и всегда борется с имеющимися последствиями преступления. Нравственность человека самоограничивает и возвышает его над миром тлена и зла. По словам П. И. Новгородцева, писавшего о фундаментальных основах русской философии права, «высший идеал общественных отношений есть внутреннее свободное единство всех людей, единство, достигнутое не принуждением и внешним авторитетом, а только Законом Христовым, когда он станет внутренней природой человека»<sup>13</sup>.

Из традиционалистской концепции права вытекают два вывода, не потерявших значения до нашего времени. Во-первых, русская культура отдает приоритет внутренней правде — нравственным идеалам, а закону (внешней правде) отводит подчиненное положение. Во-вторых, из учения консерваторов, основанного на христианском постулате (по словам апостола Павла закон «положен не для праведника, но для беззаконных», «праведнику закон не лежит» (Тим. 1:9)), вытекает удивительно верная мысль о том, что нравственной личности нет надобности в формальном законе. Поэтому духовно добродетельные люди отвергают какое-либо значение закона в своей жизни, не видят в нем ценности. Закон создан для духовно слабых людей, не способных жить по нравственным заветам добра и справедливости. Таких людей закон удерживает от совершения зла другим членам общества. Вследствие этого консерваторы отводят внешней правде роль борьбы со злом безнравственных людей, но не самодеющего принципа общественной жизни.

Превращение закона в превалирующий социальный регулятор консерваторами рассматривалось как признак деградации общественной нравственности, социальной аномалии, поскольку единственным средством сдерживания зла и преступлений становится сила государственного принуждения. Однако такое социальное устройство обречено на тотальную подозрительность, взаимное недоверие, контроль и вырождение. Более того, при ослаблении контроля со стороны власти общество поражает язва преступности и насилия. Наконец, объективно невозможно обеспечить тотальный контроль за поведением человека.

---

<sup>13</sup> Новгородцев П. И. О своеобразных элементах русской философии права // История философии права. СПб., 1998. С. 510.



Отечественные консерваторы видели альтернативу в построении общества с опорой на религиозные и нравственные традиции, свободно принимаемые совестью человека. При таком подходе путь оздоровления общества лежит в сфере воспитания, нравственного развития личности, общественной и государственной заботе о культуре и нравственном здоровье граждан.

К примеру, А. И. Солженицын идеальный общественный строй связывал не с совершенствованием общественных и государственных институтов, а с укоренением в национальном самосознании и даже в сознании всего человечества христианской идеи самоограничения — свободного, добровольного ограничения своих потребностей и желаний ради совместной, соборной жизни. Другого пути у человечества для выживания и самосохранения нет, поскольку идея индивидуализма и прав человека постепенно приведет к социальной и природной катастрофе. А. И. Солженицын так сформулировал принцип совершенной личности и идеального общества: «Права человека — это очень хорошо, но как бы нам самим следить, чтобы наши права не поширились за счёт прав других? Общество необузданных прав не может устоять в испытаниях. Если мы не хотим над собой насильственной власти — каждый должен обуздывать и сам себя. Никакие конституции, законы и голосования сами по себе не сбалансируют общества, ибо людям свойственно настойчиво преследовать свои интересы. Большинство, если имеет власть расширяться и хватать — то именно так и делает. (Это и губило все правящие классы и группы истории.) Устойчивое общество может быть достигнуто не на равенстве сопротивлений — но на сознательном самоограничении: на том, что мы всегда обязаны уступать нравственной справедливости».

Традиция различения права и закона, правды (благодати, совести) и формальной юриспруденции глубоко укоренена в русской национальной культуре. Идеалом русской культуры выступала идея правды — нравственного развития личности. Так, еще в XI в. киевский митрополит Иларион различал Закон и Благодать (истину, веру, правду). В соотношении Закона и Благодати проявляется традиционное для русского мировоззрения противопоставление закона и справедливости, правды. Закон обеспечивает принудительное подчинение религиозно-нравственным императивам, а Благодать воспринимается свободной совестью человека добровольно. Однако закон ценен для нравственно слабых людей, которые удерживаются от зла. Иларион подчеркивает традиционный смысл закона как религиозного, писаного канона, который принуждает человека к соблюдению веры страхом перед возможным наказанием. По словам Илариона, «Бог положил Закон на предуготовление истине и Благодати; да обвыкнет в нем человеческое естество, от многобожия идольского уклоняясь, в единого Бога веровать. Как сосуд скверный, омовенный водой, да примет человечество Законом и обрезанием млеко Благодати и крещения, ибо Закон предтечей стал и слугой Благодати и Истине, истина же и Благодать — слуга веку будущему, жизни нетленной. Как Закон приводил подзаконных к благодетельному крещению, так крещение сынов своих впускает в вечную



жизнь. Ведь Моисей и пророки поведали о Христовом пришествии, а Христос и апостолы его — о воскресении и о будущем веке»<sup>14</sup>. В трактовке Илариона закон был необходим для того, чтобы люди, отвергнув языческих богов, постепенно путем внешнего исполнения заветов Священного Писания усмирили свой дух для принятия высшей истины — Благодати. Закон (Ветхий Завет) требовал формального следования заветам божественной истины, за что и влек внешние наказания. Но высшее состояние общества и духа, по Илариону, — это свободное принятие христианских начал любви, свободы, сострадания и жертвенности, т. е. принятие правды, благодати духа.

В определенной мере концепт «правда» имеет сходство с идеей «естественного права» в античном ее варианте. По нашему мнению, любое традиционное общество отличается стремлением выработать некий правовой идеал через архетип правосознания, с помощью которого производится оценка позитивного права. В китайской культуре таким архетипом является дао, в японской — гири, в индусской — рита<sup>15</sup>. Конечно, правопонимание, свойственное российскому правосознанию, имеет много общего с традиционным правопониманием других культур и народов. Синтетическое понимание права в целом характерно для всех традиционных обществ<sup>16</sup>. Самобытность в таком случае синтетической концепции права в российской версии заключается в самой сущности традиционного общества России и конкретного наполнения социальных регуляторов. Кроме того, консервативная правовая идеология презюмирует национально-культурный контекст в трактовке права разными народами, обусловленный их историей и национальным духом.

Вне всякого сомнения, концепция естественного права в христианской интерпретации послужила основой для формирования идеи прав человека в Новое время. Так, современный французский консерватор А. де Бенуа именно в христианстве видит корни абсолютизации ценности человека и его свободы<sup>17</sup>. Однако новоевропейская теория естественного права потеряла свои сакральные корни и в протестантской версии приобрела характер прав человека, а не высших законов человеческого бытия, вписанных Богом в сердца людей.

Более того, синтетическая концепция права основана на православной традиции, в которой превалируют идеал внутренней свободы над внешней свободой и ценность соборного братства, которые не допускают господства человекоцентризма и возвышения свободы отдельной личности. В православном мировоззрении, во многом основанном на учете

<sup>14</sup> Иларион. Слово о Законе и Благодати // Первые книги Святой Руси / под ред. О. М. Гладкова. М., 2005. С. 5.

<sup>15</sup> Насыров Р. В. 1) Человек как самоценность: О формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г.: курс лекций. М., 2011; 2) О соотношении античной и новоевропейской трактовки естественного права // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 56–64.

<sup>16</sup> Луковская Д. И., Разуваев Н. В. Политико-правовые идеи досократиков: предпосылки возникновения и развитие // Правоведение. 2014. № 6. С. 236–256.

<sup>17</sup> Бенуа А. де. Против либерализма: (к четвертой политической теории). СПб., 2009. С. 20.

русской национальной культуры, первенство принадлежит коллективному началу и ценностям обязанности, долга, а не свободы. По существу российская традиция не расчленяет права и обязанности, или, как писал Н. Н. Алексеев, утверждает идеал правообязанности. Право — это и долг, самоограничение, но и свобода в служении другим членам общества, раскрывающая предназначение и смысл человеческой жизни. По словам Н. Н. Алексеева, в противоположность западной жизни наше государство сложилось при преимущественном преобладании начала обязанности над началом права<sup>18</sup>.

Наконец, синтетическая концепция права призвана обосновать неразрывное единство права и нравственности, тогда как естественно-правовая теория предлагает некие правовые идеалы для оценки позитивного права. На наш взгляд, прав А. В. Поляков, который при анализе дореволюционной правовой науки указывает: «В российском правосознании отсутствовала дихотомическая доминанта “право — закон” и поэтому “плохому” праву (закону) противопоставлялась православная нравственность (совесть), призванная выполнять ту же функцию высшей инстанции над правом-законом, какую в Западной Европе играло естественное право. Этой же тенденции подчинялось и “возрожденное естественное право”, которое занимало доминирующую позицию в российском правоведении с начала XX в.»<sup>19</sup>.

Не случайно мит. Иоанн (Снычев), а вслед за ним В. В. Сорокин ставят вопрос не о естественных правах, а о естественных обязанностях личности. В книге «Русская симфония» митрополит Иоанн отмечает: «Воплощение в жизни общества идеи о “правах человека”, превращенной в правовую догму и не уравновешенной — ни нравственно, ни юридически — идеей “естественных обязанностей”, свойственных каждому гражданину, ведет ни к чему иному, как к неизбежной деградации общественной морали и нравственности, к разрушению соборного тела народа»<sup>20</sup>.

Действие права означает не слепое и бездумное воплощение в жизнь буквы закона, ритуалов и процедур, а осуществление духа права, правды. В этом контексте интересно сопоставление веры-обряда и веры-правды, истины И. С. Пересветовым, мыслителем XVI в. В уста молдавскому воеводе Петру относительно Москвы И. С. Пересветов вкладывает следующие слова: «“А есть ли в этом царстве правда?” А служи у него москвитянин Васька Мерцалов, и он спросил того: “Все ты знаешь о царстве том Московском, скажи мне истинно!” И стал тот говорить Петру, молдавскому воеводе: “Вера, государь, христианская добра, во всем совершенна, и красота церковная велика, а правды нет”. Тогда Петр, молдавский воевода, заплакал и так сказал: “Коли правды нет, так ничего нет... Христос есть истинная правда, ярче солнца освещает он всю небесную высоту и земную ширину и бесчисленные глубины преисподние. Поклонились ему все племена

<sup>18</sup> Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 164.

<sup>19</sup> Поляков А. В. Может ли право быть неправым? // Правоведение. 1997. № 4. С. 96.

<sup>20</sup> Митрополит Иоанн. М., 2013. С. 344.

небесные, земные и преисподние, все восхвалили и восславили имя его святое, ибо свят Господь наш Бог, силен и крепок, и бессмертен, велик христианский Бог, и чудесны дела его, долготерпелив и многомилостив. В каком царстве правда, там и Бог пребывает, и не поднимается Божий гнев на это царство. Ничего нет сильнее правды в божественном Писании. Богу правда — сердечная радость, а царю — великая мудрость и сила»<sup>21</sup>.

Соотношение нравственности и формального права (государственного закона), традиционное для русской политико-правовой мысли, основывается на следующих началах.

1. Необходимость следования нравственной добродетели вытекает из православного идеала единства и любви людей, свободно принимающего единые нравственные и юридические предписания. Закон же основан исключительно на авторитете власти и возможном применении принуждения к нарушителям. Так, А. С. Хомяков писал: «Русской земле была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей из правды христианской, или идея правды, противоречащей чувству любви»<sup>22</sup>.

2. Внутренняя правда обращена к духовному миру человека, а внешняя правда имеет дело преимущественно с поступками человека, следствием нравственных идеалов личности.

3. Внутренняя правда выражается в самоограничении человека, несении им моральных обязанностей перед обществом, долге. Внешняя правда выражается в правах и обязанностях, навязанных извне человеку государственной властью. А. С. Хомяков заметил: «Для того чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не закона внешнего, который опять не что иное, как сила, но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признаваемая им нравственная обязанность. Она, и только она, дает силам человека значение права»<sup>23</sup>.

4. Мерило поведения с точки зрения внутренней правды — человеческая совесть, которая внутренне подчиняет волю человека нравственным идеалам и тем самым приводит к совершению поступков по доброй воле, а не по внешней необходимости. Внешняя правда, напротив, безразлична к вопросам нравственного выбора, и ее реализация всецело зависит от механизма государственного принуждения. Для консерваторов покорность, даваемая силой государства, — ложь, духовный обман. Принуждение умерщвляет внутреннюю свободу и выбор человека. Человек, подчиненный закону, духовно не свободен — он не делает осознанного нравственного выбора.

5. Внутренняя правда — духовно-нравственный регулятор поведения для нравственных людей, способных испытать муки совести.

Соотношение права и нравственности в трактовке консерваторов верно выразил Г. Флоровский: «Если для человеческого поведения един-

<sup>21</sup> *Пересветов И. С.* Соч. М.; Л., 1956. С. 124.

<sup>22</sup> *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. I. С. 164.

<sup>23</sup> *Хомяков А. С.* Мнение иностранцев о России // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М., 2008. С. 560.

ственным и решающим регулятивом служит им воспринимаемая норма религиозного или нравственного закона, которая непосредственно внушает образ действователя в каждом отдельном случае, — то сама собою отпадает юридическая регламентация жизни общеобязательными законами и постановлениями»<sup>24</sup>.

Совестное переживание права обеспечивает жизнь духа, смысла Права, гарантирует порядок, мир, справедливость без затрат государственного механизма и применения всегда негативного узаконенного насилия к правонарушителям. Совестный акт в сфере права означает соотнесение поступков человека с высшими, нравственно-правовыми императивами, когда действие определяется не одним только разумом и чувством пользы, но и внутренним чувством — интуицией, озарением, действием гласа Божия в человеке. В. В. Сорокин так описал механизм действия совести в правовой сфере: «Совесть есть внутренний духовно-нравственный закон человека, позволяющий ему уважать право без внешнего полицейского понуждения. Совесть является особой формой выражения таких основополагающих понятий православного христианства, как любовь к ближним, нестяжательство, добротолюбие, справедливость... Как внутреннее Божественное состояние, совесть неподкупна, с ней нельзя договориться. После совершения дурного дела совесть немедленно мучает и карает человека, преступившего правовой запрет. Добрая совесть — глаз Божий, говорится в русской пословице»<sup>25</sup>.

Конечно, легко упрекнуть консерваторов в нравственном идеализме, как это делал, к примеру, Н. В. Устрялов в отношении славянофилов. Действительно, трудно представить себе нравственно сильную личность, вписывающуюся в идеалы консерваторов. Однако еще более ущербно полагаться на закон и меры полицейского контроля в обеспечении общественного мира и порядка. На наш взгляд, верно консерваторы связывали общественный идеал с духовно-нравственным состоянием человека, который не мечом государственным, а своим нравственным долгом заботится об общественном благе, жертвуя собой ради других. Дальновидность консервативной концепции права подтверждается парадоксальной тенденцией в развитии права в современную эпоху — при росте юридического начала в жизни общества преступность не только не снижается, а продолжает расти. Наличие государственного контроля и суровых мер наказания не ведет напрямую к обеспечению порядка и правомерному поведению. В. В. Сорокин пишет: «После отрицания Бога как источника Права, когда личность принимает самодостаточное значение, нравственный идеал получает характер субъективного, преходящего социального фактора. Для того чтобы обуздать все возрастающую гордыню “нового человека”, видящего в самом себе и цель, и смысл исторического развития, приходится прибегать к сдерживающим элементам (формально-определенному закону),

<sup>24</sup> Флоровский Г. Вечное и преходящее в учении славянофилов // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 40.

<sup>25</sup> Сорокин В. В. Понятие совести в правовом измерении // История государства и права. 2009. № 21. С. 3.

которые в обществе христиан тоже существуют, но играют менее значимую роль»<sup>26</sup>.

С непреложной необходимостью нравственный идеал консерваторов предполагает, что закон должен соответствовать нравственности, выражать ее духовные начала справедливости и добра. Так, вполне современны и поучительны для юристов рассуждения И. С. Аксакова: «Нам говорят, что для юриста повиновение закону (безразлично, хорошему или дурному) есть такая же аксиома, как дважды два четыре для математика. Но повиновение закону как житейская аксиома, по нашему мнению, вовсе не входит в круг ученых соображений юристов, ни в круг “истин науки — права”. Для юриста, напротив того, важно свободное отношение жизни к закону, его исполнимость или неисполнимость, его соответствие или несоответствие с временным уровнем общественной нравственности, его содержание, а не сигнатура. Закон не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрешимое изречение оракула, не подверженное изменениям: он имеет значение ограниченное и временное, и бессмыслен закон, носящий в себе притязание уловить в свои тесные рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни! Самое “право” не есть нечто само для себя и по себе существующее: неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно ведать свои пределы и находиться, так сказать, в подчиненном отношении к жизни и в идее высшей нравственной справедливости. Читатели, конечно, не выведут из наших слов заключения, что мы проповедуем неуважение к закону или “анархию”. Повиновение закону, без сомнения, желательно, но юрист не есть официальный блюститель благочиния, надзирающий за непременным практическим исполнением законов со стороны общества: он относится к ним критически, он не проповедует неповиновения, но отмечает его и принимает в соображение как поучительный свершившийся факт. Впрочем, мы должны признаться, надо было бы иметь много отвлеченности в своем развитии, чтобы на практике, в жизни, приводить в исполнение или требовать безусловного исполнения всякого закона, противоречащего совести и нравственным человеческим требованиям... если бы можно предположить существование такого закона»<sup>27</sup>.

Иными словами, для консерваторов очевиден выбор в случае противоречия права и нравственности в пользу духовно-нравственных ценностей. Консерваторы готовы отвергнуть закон, нарушающий нравственные постулаты. Главное для них сохранить духовную добродетель в сердце, пусть и ценой нарушения закона. Так, в случае необходимости помощи немощным и слабым людям возможно отступление от юридических норм. Причем формальное нарушение закона человеком, преследующим достижение цели, духа права, охранителями понималось как правомерное поведение, за которое не должно следовать осуждение и наказание. С целью оценки такого основанного на духе права, поведения и необходимы опора

<sup>26</sup> *Сорокин В. В.* Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 112.

<sup>27</sup> *Аксаков И. С.* Доктрина и органическая жизнь // Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. М., 2008. С. 110–111.

правоприменителя на собственное убеждение, чувство совести. Справедливо И. А. Ильин замечал: «Так, именно правосознание, созерцающее цель права и осуществляющее в себе акт правовой совести, способно к тому индивидуализирующему усмотрению при применении права, которое должно основываться на подлинной и предметной, правовой интуиции и не позволять, чтобы *summum jus* превращалась в *summa injuria*. Именно такое правосознание сумеет найти правый выход из необходимости повиноваться неправому праву и невозможности правомерно преобразить его неправоту»<sup>28</sup>.

Неповиновение внешнему, положительному праву оправдывалось консерваторами только при условии соблюдения смысла, цели права — обеспечения религиозно-нравственной правды. Тем более, что одно лишь формальное следование предписаниям закона чревато тем, что в конкретных юридических ситуациях правовое решение окажется несправедливым и безнравственным. Отказ в следовании закону в такой ситуации должен быть связан с невозможностью изменить несправедливое предписание нормы права путем правомерного правотворчества.

Наиболее четко условия неповиновения несправедливому закону разработал среди русских традиционалистских правоведов И. А. Ильин. По его убеждению, формально неправомерное поведение тогда нравственно оправдывается, когда соблюдены следующие требования:

- неповиновение закону — крайнее средство, т. е. когда исчерпаны все имеющиеся законные средства борьбы за достижение цели права;
- неповиновение закону должно быть не личным мотивом, а необходимостью служения общему благу;
- решение о неповиновении должно исходить из воли к цели права, т. е. не разрушения, а поддержания правопорядка с точки зрения приближения закона к естественному праву;
- неповиновение относится к строго определенным нормам права, но не ведет к пересмотру всей правовой системы и не создает опасности дерегуляции общественных отношений;
- деяние должно нарушать только те нормы права, которые поддерживают неотменимость или неизменность неправого права — те правила, которые не позволяют в правотворчестве очистить положительное право от ошибок и противоречий естественному праву;
- неповиновение не должно нарушать естественного права, естественной правоты<sup>29</sup>.

Примечательно, что И. А. Ильин обращал внимание на то, что такое неповиновение закону может быть актом внутреннего духовного героизма в борьбе за истинное право, а борец за право все-таки понесет официальное осуждение и наказание (как Сократ). Иными словами, человек,

<sup>28</sup> Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 234.

<sup>29</sup> Там же. С. 220–221.

пошедший на нарушение закона во имя духа права, должен быть готов не к пониманию и прощению, а к наказанию.

Вместе с тем консервативная интеллектуальная традиция в России была далека от отрицания закона, формального права как ценности. Скорее, напротив, консерваторов можно назвать «законниками» не в формальном, а во внутреннем, содержательном плане. Закон как внешнее предписание власти, обеспеченное принуждением, является необходимым, но не решающим средством регуляции человеческого поведения. Закону отдается адекватное для русской духовной культуры место — средства охранения человека и общества от зла и приготовления человека через государственно-правовую дисциплину к свободному, нравственному поведению. Нравственно зрелый человек преодолевает в себе закон и утверждает жизнь по правде, совести уже без опоры на закон. Закон, положительное право не лишены духовно-нравственного характера и предназначения по ряду причин.

Во-первых, закон возникает, как и государство, вследствие нравственной порчи души человека, не способной жить по внутреннему, естественному праву и нуждающейся во внешней авторитетной силе. Поэтому положительное право выполняет функцию духовного оздоровления общества — поддержания минимального нравственного уровня в жизни людей (по В. С. Соловьеву, «право — это минимум нравственности, гарантированный принудительно»). Так, Федор Карпов замечал: «Ибо всем христианам должно быть присуще терпение и по мирскому правилу, и по евангельскому учению — одним более, другим менее в зависимости от лиц, и обстоятельств, и времени. Среди монастырских братьев никогда не должно оскудеть терпение, а в мирской жизни требуется многое от поданных: иногда слуги, иногда оружие, в другой раз кони, иногда одежды красивые, иногда другие вещи, которые приобретаются за серебро, за деньги. И если я скажу: я терплю, не имея указанных вещей, к чему приведет мое терпение? Но будет лишен такой человек вотчины, будет изгнан со службы честной, будет послан нищим на службу негодную и не подобающую его происхождению, к тому же и домашние дела сильно досаждают, потому что великим терпением обременены люди. Дело народное в городах и царствах погибнет из-за излишнего терпения, долготерпение среди людей без правды и закона общество достойное разрушает и дело народное сводит на нет, дурные нравы в царствах вводит и делает людей непослушными государям из-за нищеты. Поэтому всякий город и всякое царство, по Аристотелю, управляться должно начальниками по правде и определенными законами справедливыми, а не терпением»<sup>30</sup>.

Во-вторых, закон должен служить ограждению духовной жизни человека, воспитывать в нем здоровое правосознание, быть основой для перерождения законнического правосознания в духовно развитое правосознание личности.

<sup>30</sup> Все народы едино суть. М., 1987. С. 346.



В-третьих, реализация закона в жизни должна быть сопряжена с достижением правды, нравственной справедливости и милосердия в конкретных жизненных случаях.

Консервативная правовая идеология признает ценность права как формализованного социального регулятора и видит в законности мощный фактор устойчивости общества.

*Право выполняет важную роль стабилизации общественного развития, является залогом преемственного и эволюционного развития, когда воплощает в себе и охраняет национальную традицию.* Правовой метод позволяет достичь в общественной жизни организованности и порядка, сохранить достигнутый социально-правовой опыт. В консерватизме право ассоциируется как синоним порядка и противопоставляется анархии. В этом смысле российскому консерватизму чужды анархические и нигилистические оценки права.

Таким образом, закон не отвергается в юридической концепции российских консерваторов, а становится частью общего, синтетического нравственно-правового организма. Закон, позитивное право в русской правовой мысли еще в XIX–XX вв. на основе давней исторической традиции стал рассматриваться в качестве одного из элементов единого концепта «Права — Правды». В дореволюционной России стала складываться синтетическая теория права под влиянием работ В. С. Соловьева. Наиболее четко ее смысл был отражен А. С. Яценко в начале XX в. и В. В. Сорокиным в начале XXI в. Позитивное право (закон) в синтетической теории права стало составной частью триединого регулятора Права, соединяющего православие, традиционную нравственность и юриспруденцию.

Так, В. В. Сорокин следующим образом представляет единый, синтетический образ права в русской духовной культуре: «Первоисточником Права является Бог. Но люди, наделенные Богом творческой разумной волей и даром совести, также допускаются в процесс правотворчества. Церковь Христова (Православное священство) прославляет Право или осуществляет Православие путем поддержания в членах Церкви православной веры. Народ адаптирует Божественные заповеди к потребностям своего быта, тем самым принимая участие в созидании и развитии нравственности. А государство творит юридические законы. При условии соблюдения иерархии этих уровней правотворчества в обществе устанавливается прочный правопорядок, отвечающий Божьему промыслу. На вершине данной иерархии находится Божий Закон, данный непосредственно Господом Богом. Ниже его — религиозные каноны православной веры, полученные от святых подвижников благочестия. Затем по правовой силе следуют нормы традиционной нравственности русского народа, в которых нет ничего произвольного и незаконного. А на последнем месте — законы государства, не противоречащие всем вышеперечисленным уровням Единого Права»<sup>31</sup>.

<sup>31</sup> Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 284.

Закону в русской правовой культуре должно быть отдано традиционное место — ограждения общества от зла и порока, но на более высокие задачи закон претендовать не способен. Закон страхом и принуждением может гарантировать лишь внешнюю лояльность, подчиненность телом государству. В. В. Сорокин говорит по этому поводу: «Аналогом римского “lex” в русском языке является слово “закон”, происходящее от корня “конь”, т. е. начало и конец, кол, столб, веха участка или коновязи. Словом “закон” русские люди не охватывали всей полноты и многообразия Права. Закон воспринимался русскими как внешнее предписание — такое понимание сформировалось после того, как Русь приняла христианство и научилась различать Ветхий Завет (Закон) и Новый Завет (Благую Весть). Закон сводился к юридической, формальной норме, над которой преобладают нравственные принципы... Закон рассматривался как преходящая и переменная величина, а Право — вечная константа для всех и во все времена. Закон внушал страх, а Право — почитание, но Право проецировалось как любовь и благоговение перед Господом. Закон соблюдался из страха перед наказанием, а Право — из любви к Богу, своему Творцу и Спасителю»<sup>32</sup>.

Синтетическая концепция близка к интегральной теории права, которую в постсоветской России активно разрабатывают В. Г. Графский, А. В. Поляков, В. В. Лазарев, Р. А. Ромашов<sup>33</sup>. В зарубежной юриспруденции интегративная юриспруденция представлена трудами Г. Дж. Бермана и Дж. Холла<sup>34</sup>. А. В. Поляков различает интегративную и интегральную теории правопонимания. Ученый считает: «Взгляд на право как целостность, как представляется, отличает интегральное правопонимание от интегративного. Интегральный подход позволяет в целостности права выделять те аспекты, которые фрагментарно, в оторванности от других сторон правовой реальности, представлены в классических теориях права. Интегративный подход, не видя изначальной целостности права, стремится ее найти через объединение различных подходов, разработанных в классическом правоведении»<sup>35</sup>. Таким образом, А. В. Поляков предлагает в понимании права отразить право как целостность. Иными словами, объектом отражения для правопонимания выступает правовая система как система взаимосвязанных правовых явлений и процессов. В таком виде коммуникативная теория как интегральная концепция права отличается от интегративной концепции права. А. В. Поляков предлагает следующее определение права в контексте коммуникативного подхода: «Право есть вытекающий из легитимированных текстов и основанный на общезначимых (социально признанных) и общеобязательных нормах коммуникативный

<sup>32</sup> Там же. С. 204.

<sup>33</sup> *Графский В. Г.* История политических и правовых учений. М., 2005. С. 378; *Лазарев В. В.* Избранные труды: в 3 т. Т. III. М., 2010. С. 198–215.

<sup>34</sup> *Берман Г. Дж.* Западная традиция права. Эпоха формирования. М., 1998. С. 16.

<sup>35</sup> *Поляков А. В.* Российская теоретико-правовая мысль // Наш трудный путь к праву / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2006. С. 118.

порядок отношений, участники которого взаимодействуют путем реализации своих прав и обязанностей»<sup>36</sup>.

Коммуникативная концепция права А. В. Полякова во многом сходна с синтетической теорией права. Во-первых, А. В. Поляков корни коммуникативной теории права находит в русских политико-правовых идеях и прослеживает их эволюцию в трудах представителей российского традиционализма (В. С. Соловьев, славянофилы, Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин, П. И. Новгородцев, Н. Н. Алексеев, Е. Н. Трубецкой и др.). Во-вторых, автор коммуникативной концепции критически относится к использованию западной традиции правопонимания и считает необходимым обоснование правопонимания на основе собственной российской традиции и отечественных духовных ценностей. В-третьих, коммуникативная концепция права развивается А. В. Поляковым в русле отечественной консервативной мысли. Ученый отмечает: «Научный анализ либерализма и консерватизма должен заключаться не в агитации за ту или иную идеологию, а в выявлении того, какая идеология присутствует в конкретной культуре и каковы перспективы ее социальной “жизни”. С этих позиций очевиден приоритет в русской культуре консерватизма, исторически основанного на православном мировоззрении и соответствующей сакральной культуре. В то же время русская история свидетельствует и о серьезных либеральных “инъекциях”, которые не могли не оставить свой след в культуре России»<sup>37</sup>.

Таким образом, интегральную концепцию права А. В. Полякова можно признать разновидностью синтетической теории права, которая на основе феноменологической методологии описывает и интерпретирует российскую традицию правопонимания, в то время как интегративные подходы к понятию права основаны на соединении европейских теорий права без учета отечественной правовой традиции.

Между синтетической и интегративной концепциями есть существенные отличия. Интегральный тип правопонимания претендует на соединение достоинств трех концепций права в различных вариантах: позитивизма, естественно-правовой школы и социологической юриспруденции (исторической концепции права), т. е. закона, нравственных начал права и сложившейся юридической практики и усмотрения правоприменителя (исторических традиций права). При этом, как нам представляется, между данными концепциями существуют неустранимые противоречия, которые не позволяют их интегрировать. Во-первых, центральным звеном в интегральной теории остается нормативизм, разбавляемый естественно-правовой и социологической теориями. Во-вторых, данные типы правопонимания совершенно по-разному методологически решают как общие,

<sup>36</sup> Поляков А. В. Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. М., 2008. С. 22.

<sup>37</sup> Поляков А. В. Какая идеология нужна России? // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: мат-лы междунар. науч. конф. 15 февраля 2002 г. / ред. А. С. Карцов. СПб., 2002. С. 34.

так и частные вопросы правоведения. Так, для юридического позитивизма как такового право не может иметь пробелы, и все их попытки восполнения путем апелляции к справедливости (духу права) или усмотрению суда абсолютно неуместны. Фактически интегральная теория порождает проблему своего рода «правового кентавра», когда сочетаются несовместимые трактовки права, которые сущностно непригодны к синтезу. Верно отмечает И. Ю. Козлихин, что «под вывеской» интегральной теории либо скрываются эклектичные подходы к праву, либо все-таки одна версия в понимании права оказывается доминирующей<sup>38</sup>.

В синтетической концепции права в контексте российского консерватизма соединяются в один регулятор нравственность (традиции, обычаи народа), религия (высшие духовные абсолюты) и закон как формально-принудительный механизм. По существу, интегральная юриспруденция остается в рамках собственно юриспруденции, создавая прикладную и прагматичную теорию права, учитывающие этические и социальные условия действия норм права<sup>39</sup>. При этом интегративная концепция права стремится соединить европейские трактовки права и исходит из европейской правовой ментальности, для которой была изначально характерна идея разделения права и закона, коренящаяся в рационалистических установках позитивизма и эпохи Просвещения. Синтетическая теория базируется на отечественной традиции правопонимания, восходит к идее целостности сознания и бытия (философия всеединства В. С. Соловьева) и отражает единую, синтетическую природу социального регулирования в условиях российской цивилизации.

Господствующие в правовой науке интерпретации синтетической (интегральной) теории права основаны на строгой дифференциации социальных регуляторов — норм права, норм морали и религиозных норм и вполне адекватны для обществ, прошедших путь секуляризации. В таких обществах право отделено от нравственности и религии и занимает автономное и даже превалирующее место в социальном регулировании, поскольку оказывается способно разрешить социальные конфликты и обеспечить порядок. Интегральная теория права стремится нейтрализовать недостатки нормативизма, дополняя формальную характеристику права идеей справедливости и включением в определение права элемента эмпирического правового опыта.

Российское правосознание до сих пор оценивается как слабо дифференцирующее нравственность, религию и право и отличающееся сильными религиозно-нравственными ориентациями и установками<sup>40</sup>. Поэтому синтетическая концепция права в постановке отечественного консерватизма

---

<sup>38</sup> Козлихин И. Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы // Философия права в России: история и современность / под ред. В. Г. Графского. М., 2009. С. 243.

<sup>39</sup> Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: Актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 3. С. 49–64.

<sup>40</sup> Семитко А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 109.

пытается учесть слитность всех социальных норм в российском правовом менталитете и предлагает использовать потенциал такого «мононормативного» регулирования в российских условиях.

Доминирование идеала правды в правовом менталитете российского общества зафиксировано в законодательстве России. Так, в п. 11 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г., говорится: «Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру»<sup>41</sup>. Таким образом, концепция правды введена в ранг официальной доктрины как неотъемлемое качество российской духовной культуры.

Доминирование нравственности в русской культуре, обоснованное консерваторами, зачастую неправильно воспринимается исследователями в качестве недостатка — нигилистического отношения к праву и закону. Поразительно, но более высокого порядка достижение в культуре считается слабостью, невежественностью русского народа, который не может создать прочные юридические основания своей жизни. По нашему мнению, банальное для России утверждение о правовом нигилизме — миф, который формирует комплекс неполноценности у русского народа: представление о некоей культурной отсталости от западных образцов правовой государственности. На самом деле формальному праву в русской культуре отдается должное место — подчинение духовно-нравственным регуляторам поведения человека. В действительности отвержение права как высшего начала жизни выступает показателем нравственной высоты русского сознания. Человек русской культуры шире и богаче духовно тесных и душных юридических правил, не существующих для него в качестве идеальной нормы поведения. Его идеалы коренятся в жертвенной христианской любви ради других, а не в искусственных правилах, рассчитанных на обеспечение минимального добра в жизни общества, но не высоких духовных идеалов святости.

Недоверие к праву консерватизма проявляется только в том случае, когда позитивные нормы права нарушают традицию, преемственность развития российского общества, включают в себя либеральные правовые постулаты. Именно боязнь использования права в качестве средства либеральной модернизации могла быть проводником пренебрежения к юридической материи. Так, если в дореволюционной России консерватизм критически относился к восприятию западной концепции частной соб-

<sup>41</sup> Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

ственности как противоречащей христианской идее социального служения собственности, то в современной России вызывает неудовлетворение охранителей попытка внедрения в российское право таких европейских институтов права, как однополый брак, неограниченная свобода средств массовой информации и т. п.

Следует согласиться с позицией А. С. Карцова, который выявил два слоя в отношении консерваторов к праву: «Осмысление права как незаменимого способа упорядочения общественной жизни и боязнь, как бы юридическими средствами упорядоченный социум не отказался от высших по отношению к праву нормативных систем (т. е. от почитания религиозно-моральных ценностей), в равной мере выступают интенциями консервативного сознания. Другое дело, что у одних идеологов превалирует все же признание важности юридического начала, тогда как у других — второе опасение. Во всяком случае, консервативное сознание включало в себя понимание как значимости юридических механизмов, так и потенциальных угроз, заключенных в них и вырывающихся наружу, если только эти механизмы оказываются в распоряжении врагов Традиции»<sup>42</sup>.

В синтетической концепции права положительное право органически сливается с религией и нравственностью и служит абсолютному началу — божественной правде. Один из ярких представителей синтетической теории права А. С. Яценко отмечал: «Право есть совокупность действующих в обществе, вследствие коллективно-психологического переживания членами общества и принудительного осуществления органами власти, норм поведения, устанавливающих равновесие между интересами личной свободы и общественного блага. Право свою основу имеет как в природе человека и общества, неразрывно соединенных в одну общую жизнь, так и в высшем, нравственном принципе, по которому высшая нравственная задача, создание совершенного общежития, Царства Божия, должно достигаться через последовательную историческую работу. Право и сливается с религией, нравственностью, на них обосновываясь, и отличается от них, реализуя принудительно лишь этический минимум и тем обеспечивая условия для дальнейшего существования и развития религиозно-нравственных целей»<sup>43</sup>.

Для консервативной правовой мысли России характерно стремление придать закону нравственно-религиозное измерение, поместить закон в систему социального регулирования. Так, К. П. Победоносцев отмечал сакральный смысл закона как некоей божественной заповеди<sup>44</sup>. Соответственно, законодатель должен наполнять позитивный закон нравственным содержанием. А. В. Поляков пишет о нравственной ориентации российского правосознания следующее: «Для российского правосознания нравственность является тем критерием, по которому должно равняться право.

<sup>42</sup> Карцов А. С. Правовая идеология русского консерватизма (II половина XIX — начало XX веков). С. 136.

<sup>43</sup> Яценко А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб., 1999. С. 175.

<sup>44</sup> Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 2004. С. 97.

Западное правосознание ориентировалось на идеализированное право, по которому выверялся закон. Но в данном случае право может предложить ограниченный и психологически мало привлекательный для российского человека набор целей для воплощения их в законе. Это — уже упоминавшиеся выше ценности свободы, равенства, справедливости, понимаемые либо формально, либо материально (содержательно)... Признавая всю значимость указанных ценностей, необходимо видеть и их ограниченные возможности выступать в качестве побудительной причины человеческих поступков и мотивов для совершенствования “закона”. Нравственность в силу своей всеохватности, и особенно в условиях специфической российской ментальности, обладает, на наш взгляд, значительно большим потенциалом»<sup>45</sup>.

Консерваторы несовместимость русской культуры с идеалами формального права и закона видели в духовно-нравственных и исторических различиях России и Запада. Путь западного просвещения, предполагающий развитие юридических начал общества, охранительными мыслителями отрицался как чуждый истории и духовности России. Идеи западников об отсталости России в правовом отношении, о юридическом варварстве консерваторы не принимали<sup>46</sup>. И. С. Аксаков писал: «Многое можно было бы сказать здесь о “чувстве легальности”, в недостатке которого упрекают наш Русский народ, об отношении науки права в Русской народной жизни... Мы хотели только, с одной стороны, заявить здесь наше несогласие с провозглашенной теорией, безразлично требующей духовного поклонения всякой сигнатуре закона без внимания к его содержанию и духовно рабствующей пред внешним условным, принудительным началом; а с другой — указать на это мертвенное отношение так называемой науки к пробуждающимся требованиям современной не только Русской, но даже и Европейской жизни, этот ответ ее, холодный и гордый, на ее тревожные запросы. Разумеется, эта печальная доктрина выросла не на нашей почве, она заемная; но тем не менее достойны сожаления те, которые приняли ее в душу и принесли ей в жертву свое трудолюбие и таланты... Остается надеяться, что те из наших “жрецов науки”, которые уже умиротворились и успокоились в своем жреческом звании, высвободят наконец сами науку на вольный Божий свет, пустят свежий, вольный воздух в свой душный и тесный храм, растворят настесь окна и двери, раздвинут, если нужно, и самые стены храма и поймут, что только освободясь от всякого духовного и умственного рабства пред последним словом науки вообще и западной науки в особенности, только признав за Русской народностью право на самостоятельную духовную и умственную деятельность, только проповедей духовной свободы, живого знания и любвеобильной мысли будут они в состоянии направить к плодотворной работе молодые Русские силы»<sup>47</sup>.

<sup>45</sup> Поляков А. В. Может ли право быть неправым? // Правоведение. 1997. № 4. С. 98.

<sup>46</sup> Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI–XX вв. М., 1995. С. 234–235.

<sup>47</sup> Аксаков И. С. Доктрина и органическая жизнь. С. 112.



По мнению консерваторов, общественная гармония не может держаться на самообмане, недоверии и безразличных к нравственности правилах поведения. Если нет доверия в обществе к добродетели людей, то такое общество на краю гибели и цепляется за формальное право как за соломинку, чтобы только не скатиться в хаос и ад.

Конечно, не стоит консервативное учение о внутренней правде, совести воспринимать как идеализацию российских порядков и ссылкой на высокий нравственный потенциал России оправдывать грехи и беды российского общества. Огонь веры и нравственное возвышение — это личностный и общественный идеал консерваторов, от которого далеко как Россия консерваторов, так и современная Россия без консерваторов. Ими был указан путь, которым можно преодолеть гибельные ростки западной цивилизации — по пути духовного просветления общества, опоры на традиционное правосознание и органичные для российской цивилизации регуляторы — религиозные нормы, нравственность и закон. Пороки России консерваторы не скрывали и не затушевывали, а обличали их как патриоты своего отечества.

Так, в своих стихах А. С. Хомяков без прикрас описывал Россию:

В судах полна неправды черной  
И игом рабства клеймена;  
Безбожной лести, лжи тлетворной,  
И лени мертвой и позорной,  
И всякой мерзости полна.  
О, недостойная избранья,  
Ты избрана! Скорей омой  
Себя водою покаянья,  
Да гром двойного наказанья  
Не грянет над твоею главой.

Западноевропейские концепции о правовом государстве и правах человека, предполагающие возвышение закона над остальными социальными регуляторами, отечественные традиционалисты признавали ложными и опасными для человечества. Недостаток таких абсолютизирующих роль права теорий в том, что их создатели ошибочно полагают, что одним законом можно обеспечить порядок и сдержать преступность, и даже, более того, внести в жизнь братство, равенство и справедливость. Как показывает статистика количества совершаемых преступлений, юридические средства оказываются неэффективными в противодействии преступному поведению людей. К примеру, в США в 2007 г. было совершено 23 миллиона преступлений, и каждый сотый гражданин находился в тюрьме. США стоит на первом месте в мире по количеству совершаемых преступлений. Вместе с тем США в своей политике борьбы с преступностью занимает позицию применения суровых наказаний и жесткого полицейского контроля за поведением людей, тогда как в Японии, например, придерживающейся национальных традиций в разрешении конфликтов, количество преступлений в 20 раз меньше, чем в США и европейских государствах. При

этом высокий уровень правонарушаемости в странах Западной Европы несколько не влияет на оценку европейской правовой культуры в качестве высокой и образцовой. На наш взгляд, высокая правовая культура не может быть сопряжена с высоким уровнем правонарушаемости, что говорит о недооценке двух факторов — правосознания европейцев и фактической стороны реализации позитивного права.

Поэтому очевидно, что в условиях модерна и секуляризации культуры юридические регуляторы хотя и начинают превалировать, но все-таки не способны обеспечить стабильность, порядок и справедливость в жизни общества. Назрела необходимость пересмотра утвердившейся концепции господства закона в пользу актуализации «спящих», традиционных регуляторов поведения людей — религии, нравственности, традиций. В противном случае общество ждет либо тотальное рабство, как в современных полицейских государствах Запада, либо окончательное разрушение и хаос. Сердцевина в душе, совести человека, его нравственности, но не в бездушных и формальных законах, показывающих свое бессилие в борьбе с антиобщественным поведением.

По нашему глубокому убеждению, заблуждением является правовой романтизм, вера в то, что юридический регулятор может стать средством разрешения всех социальных и культурных проблем, превращаясь тем самым в фетиш, идол, первенствующий социальный регулятор. Организация общественной жизни с верой в юридическое начало неизбежно оборачивается падением нравственности в обществе и разочарованием в законе. Закон оказывается далеко не единственным и эффективным средством обеспечения порядка и развития общества. Многие государства, сделавшие ставку на закон, столкнулись с ростом преступности, коррупцией и бюрократизацией жизни. О необходимости преодоления правового идеализма, преувеличения качеств закона писал А. И. Солженицын. По его словам, «если в нации иссякли духовные силы — никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасёт её от смерти, с гнилым дуплом дерево не стоит. Среди всех возможных свобод — на первое место всё равно выйдет свобода бессовестности: её-то не запретишь, не предусмотритишь никакими законами. Чистая атмосфера общества, увы, не может быть создана юридическими законами».

Очевидно, что юридический инструментарий должен быть сопряжен с целостной нормативной системой, иначе обществу грозят аномия и хаос, поскольку другие социальные нормы перестают выполнять свои функции. Общества, сохранившие приверженность традиционным регуляторам, напротив, показывают состояние порядка, низкий уровень преступности, поскольку работают нравственность и религиозные правила как традиционные средства разрешения конфликтов и поддержания мира в обществе. В этом плане выглядит перспективно обращение к традиционным регуляторам в России, которые первостепенное внимание вызывали среди консервативных мыслителей. Идея консерваторов относительно использования религиозно-нравственных начал добра, милосердия, справедливости, совести в положительном праве, правоприменении, учение о пра-

вовом обычае, наказании как средстве перевоспитания и нравственного очищения могут получить непосредственное воплощение в российской правовой жизни.

Современный теоретик права В. Н. Синюков в господстве неформальных социальных регуляторов и ином предназначении права видит своеобразие российской правовой системы. Исследователь пишет: «В российской правовой традиции границы формального права фактически намного уже, тоньше, утилитарнее. Юридическая форма менее дифференцирована, менее применима для решения социальных споров, конфликтов, она менее интегрирована в повседневную жизнь людей. Это — никакой не недостаток русского правового уклада — это его культурная особенность, которую не следует “преодолевать”, а необходимо осмыслить и культурно институционализировать. Российское право как духовный феномен человечнее, слитнее с традиционными неформальными регуляторами, социальными обыкновениями, в силу чего все они, эти неформальные регуляторы, нуждаются в стимулировании своего непрерывного воспроизводства, ибо от их существования в буквальном смысле зависит жизнь юридических построений законодателя, что на практике далеко не всегда учитывается»<sup>48</sup>.

Таким образом, консервативная концепция права может быть сведена к следующим постулатам.

Во-первых, консерваторы сердцем русской культуры считали духовность, нравственность, внутреннюю правду. Закон, формальная, внешняя правда занимает подчиненное место по отношению к духовно-нравственным ценностям любви, добра, долга, справедливости и милосердия и должен служить средством борьбы со злом, обеспечения минимального добра в обществе, за пределами которого лежат общественный хаос и социальная анархия. Закон должен вбирать в себя духовные начала общества и является одним из элементов живого, органического соединения религии, нравственности (традиций) и формального права в едином регуляторе «Правда». При расхождении нравственности и права предпочтение должно быть отдано нравственности.

Во-вторых, синтетическая концепция права в интерпретации консерваторов позволяет преодолеть разрушительный миф о низкой правовой культуре русского общества. Право в русской духовности уступает первенство нравственной правде, которая является идеалом человеческого поведения. Нравственность поднимает человека из брэнного мира греха и потому возвышает его в любви и единстве с другими людьми. По той причине, что русский народ предпочитает более высокие нравственные заветы, нельзя его упрекать в низкой правовой культуре. Настоятельной другой задачей — освобождения национального сознания от ложных идеалов европейской культуры и правового воспитания государственных служащих, элиты и общества в духе традиционных духовных и правовых традиций.

---

<sup>48</sup> Синюков В. Н. Российская правовая система: вопросы теории: автореф. дис. ... д. ю. н. Саратов, 1995. С. 14.

При этом консервативная правовая идеология не отрицает ценность права как такового. В законе консерватизм усматривает мощный фактор стабилизации и преемственного развития общества, опору порядка и организованности общественных отношений. Охранительство видело опасность права в двух плоскостях: правовой идеализм и волюнтаризм законодателя и использование права как формы закрепления антитрадиционных либеральных или социалистических идей и ценностей.

В-третьих, европейские начала господства закона, правовой государственности, естественных прав человека — деформация секуляризованной общественной культуры. По существу консерваторы уловили закономерность секуляризованного общества: чем слабее становятся традиционные регуляторы, тем выше становится роль формального закона. Однако чем выше становится роль закона среди социальных регуляторов, тем больше растут преступность, анархия, беспорядок и соответственно возрастает сфера применения государственного насилия. Чем шире становится сфера действия закона, тем более общество теряет свободу, автономию и становится менее устойчивым, стабильным и больше подвержено кризисам и революциям. В обществе, где вера потеряна и отсутствуют высшие идеалы, порядок и внешняя гармония могут быть обеспечены полицейскими средствами контроля, закона и принуждения. Высокая правовая культура Запада на деле оборачивается нравственным разложением, духовным падением. Поэтому для современного человечества актуальным должен быть поиск альтернатив европейской культуре потребительства. Консервативным ответом может быть православная концепция внутренней правды, с помощью которой возможно преодоление пороков индивидуализма, неестественных прав, обмирщения, на основе соборной любви, нравственного единства и права как долга.

В-четвертых, актуальность синтетической концепции права может быть подвергнута критике в условиях, когда отсутствует православие как антропологическая практика. Но православие как мировоззрение сохраняет свое значение на уровне архетипов, символов и знаков русского правосознания в форме особого метанарратива. Соответственно, правда в российском правосознании как триединый регулятор отражает действительное синкретическое единство права, нравственности и религии в российской правовой ментальности<sup>49</sup>.

## Литература

*Аксаков И. С.* Доктрина и органическая жизнь // Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 204–235.

*Аксаков К. С.* Собр. соч.: в 3 т. Т. I. М., 1889. 578 с.

*Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. 635 с.

<sup>49</sup> *Тюрин М. Г.* Архетипы национальной правовой культуры: автореф. дис. ... к. ю. н. Ростов н/Д, 2008. С. 8; Правосознание российского общества / под ред. В. В. Сорокина и А. А. Васильева. Барнаул, 2014; *Галиев Ф. Х.* Синкретизм современной правовой культуры: монография. Уфа, 2011.

- Берман Г. Дж.* Западная традиция права. Эпоха формирования. М., 1998. 624 с.
- Варламова Н. В.* Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 68–84.
- Галиев Ф. Х.* Синкретизм современной правовой культуры. Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 354 с.
- Графский В. Г.* Интегральная (синтезированная) юриспруденция: Актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 3. С. 49–64.
- Графский В. Г.* История политических и правовых учений. М.: Проспект, 2005. 600 с.
- Губаева Т. В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2007. 160 с.
- Иларион.* Слово о Законе и Благодати // Первые книги Святой Руси. М.: Дарь, 2005. С. 3–56.
- Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. 624 с.
- Исаев И. А., Золотухина Н. М.* История политических и правовых учений России XI–XX вв. М.: Юристъ, 1995. 378 с.
- Карцов А. С.* Правовая идеология русского консерватизма (II половина XIX — начало XX веков): дис. ... д. ю. н. М., 2008. 37 с.
- Киреевский И. В.* В ответ А. С. Хомякову // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2007. С. 46–85.
- Козлихин И. Ю.* Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы // Философия права в России: история и современность / под ред. В. Г. Графского. М., 2009. С. 243–250.
- Козлихин И. Ю.* О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 31–40.
- Луковская Д. И., Разуваев Н. В.* Политико-правовые идеи досократиков: предпосылки возникновения и развитие // Правоведение. 2014. № 6. С. 236–256.
- Насыров Р. В.* О соотношении античной и новоевропейской трактовок естественного права // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 56–64.
- Насыров Р. В.* Человек как самоценность: О формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г.: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2011. 277 с.
- Новгородцев П. И.* О своеобразных элементах русской философии права // История философии права / под ред. А. П. Альбова. СПб.: Юридический институт, 1998. С. 507–534.
- Пересветов И. С.* Соч. М.; Л.: Академия наук СССР, 1956. 386 с.
- Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М.: АНО Развитие духовности, культуры и науки, 2004. 766 с.
- Поляков А. В.* Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. М., 2008. С. 175–190.
- Поляков А. В.* Может ли право быть неправым? // Правоведение. 1997. № 4. С. 83–101.
- Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник для вузов. СПб., 2004. 864 с.
- Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М.: Проспект, 2016. 832 с.
- Поляков А. В.* Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. СПб., 2003. 845 с.
- Поляков А. В.* Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 26–43.

Поляков А. В. Российская теоретико-правовая мысль // Наш трудный путь к праву / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 2006. С. 232–242.

Посошков И. Т. Соч. М., 1842. 346 с.

Правосознание российского общества / под ред. В. В. Сорокина и А. А. Васильева. Барнаул: Азбука, 2014. 251 с.

Семитко А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 108–113.

Синюков В. Н. Российская правовая система: вопросы теории: автореф. дис. ... д. ю. н. Саратов, 1995. 48 с.

Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. 456 с.

Сорокин В. В. Понятие совести в правовом измерении // История государства и права. 2009. № 21. С. 2–6.

Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. 2009. № 4. С. 3–26.

Тюрин М. Г. Архетипы национальной правовой культуры: автореф. дис. ... к. ю. н. Ростов н/Д, 2008. 29 с.

Флоровский Г. Вечное и преходящее в учении славянофилов // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 4–70.

Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 568–601.

Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. I. 417 с.

Честнов И. Л. Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна // Правоведение. 2001. № 3. С. 45–52.

Ященко А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб.: Алетейя, 1999. 256 с.

## References

Aksakov I. S. [Doctrine and organic life]. Aksakov I. S. *Nashe znamia — russkaia narodnost'* [Our banner — Russian nationality]. Moscow, Institute of Russian civilization, 2008, pp. 204–235. (In Russian)

Aksakov K. S. *Sobr. soch. [Collected Works]*. In 3 vol. Vol. I. Moscow, 1889. 578 p. (In Russian)

Alekseev N. N. *Russkii narod i gosudarstvo [Russian people and the state]*. Moscow, Agraf Publ., 2003. 635 p. (In Russian)

Berman H. G. *Zapadnaia traditsiia prava. Epokha formirovaniia [The Western tradition of law. The era of the formation]*. Moscow, 1998. 624 p. (In Russian)

Chestnov I. L. Dialogicheskaiia ontologiia prava v situatsii postmoderna [Dialogic ontology right in the postmodern situation]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 2001, no. 3, pp. 45–52. (In Russian)

Florovsky G. [Eternal and transient in the teaching of slavophiles]. Florovsky G. *Iz proshlogo russkoi mysli [From the past of Russian thought]*. Moscow, Agraf Publ., 1998, pp. 4–70. (In Russian)

Galiev F. H. *Sinkretizm sovremennoi pravovoi kul'tury. Monografiia [Syncretism modern legal culture. Monograph]*. Ufa, RIP BSU Publ., 2011. 354 p. (In Russian)

Grafsky V. G. Integral'naia (sintezirovannaia) iurisprudentsiia: Aktual'nyi i vse eshche nezavershennyi proekt [Integral (synthesized) jurisprudence: Actual and still unfinished project]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 2000, no. 3, pp. 49–64. (In Russian)



- Grafsky V. G. *Istoriia politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of political and legal doctrines]. Moscow, Prospekt Publ., 2005. 600 p. (In Russian)
- Gubaeva T. V. *Iazyk i pravo. Iskusstvo vladenii slovom v professional'noi iuridicheskoi deiatel'nosti* [Language and Law. Possession Arts word in a professional legal capacity]. Moscow, Norma Publ., 2007. 160 p. (In Russian)
- Hilarion. [Sermon on Law and Grace]. *Pervye knigi Sviatoi Rusi* [The first book of Holy Russia]. Moscow, Dar Publ., 2005, pp. 3–56. (In Russian)
- Ilyin I. A. *Sobr. soch.* [Collected Works]. In 10 vol., vol. 4. Moscow, Russian book Publ., 1994. 624 p. (In Russian)
- Isaev I. A., Zolotukhin N. M. *Istoriia politicheskikh i pravovykh uchenii Rossii XI–XX vv.* [The history of Russian political and legal doctrines XI–XX centuries]. Moscow, Jurist Publ., 1995. 378 p. (In Russian)
- Kartsov A. S. *Pravovaia ideologiya russkogo konservatizma (II polovina XIX – nachalo XX vekov)*. Dis. d-ra iurid. nauk [Legal ideology of Russian conservatism (II half of XIX–early XX centuries)]. The Thesis of Dr. of Laws]. Moscow, 2008. 37 p. (In Russian)
- Khomyakov A. S. [Opinion foreigners about Russia]. Khomyakov A. S. *Vsemirnaia zadacha Rossii* [World challenge Russia]. Moscow, Institute of Russian civilization, 2008, pp. 568–601. (In Russian)
- Khomyakov A. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. In 8 vol. Vol. I. 417 p. (In Russian)
- Kireyevsky I. V. [In response, A. S. Khomyakov]. Kireyevsky I. V. *Dukhovnye osnovy russkoi zhizni* [Spiritual Foundations of Russian life]. Moscow, Institute of Russian civilization, 2007, pp. 46–85. (In Russian)
- Kozlihin I. Yu. [Integral Law: discussion questions]. *Filosofii prava v Rossii: istoriia i sovremennost'* [Philosophy of Law in Russia: history and modernity]. Ed. by V. G. Grafsky. Moscow, 2009, pp. 243–250. (In Russian)
- Kozlihin I. Yu. O netraditsionnykh podkhodakh k pravu [About non-traditional approaches to law]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2006, no. 1, pp. 31–40. (In Russian)
- Lukovskaya D. I., Razuvaev N. V. Politiko-pravovye idei dosokratikov: predposylki vzniknoveniia i razvitie [Political and legal ideas of the Presocratics: preconditions for the emergence and development]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2014, no. 6, pp. 236–256. (In Russian)
- Nasyrov R. V. *Chelovek kak samotsennost': O formulirovke st. 2 Konstitutsii RF 1993 g.*: kurs lektsii [Man as a value in itself: On the wording of Art. 2 of the 1993 Constitution of the Russian Federation, the (course of lectures)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 277 p. (In Russian)
- Nasyrov R. V. O sootnoshenii antichnoi i novoevropeskoi traktovok estestvennogo prava [With a ratio of antique and modern European interpretations of natural law]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [The Russian legal magazine], 2008, no. 4, pp. 56–64. (In Russian)
- Novgorodtsev P. I. [About the original elements of Russian Philosophy of Law]. *Istoriia filosofii prava* [History of Philosophy of Law]. Ed. by A. P. Albov. St. Petersburg, Legal Institute, 1998, pp. 507–534. (In Russian)
- Peresvetov I. S. *Soch.* [Works]. Moscow, Leningrad, The USSR Academy of Sciences, 1956. 386 p. (In Russian)
- Pobedonostsev K. P. *Velikaia lozh' nashego vremeni* [The great lie of our time]. Moscow, ANO Development of spirituality, culture and science. 2004. 766 p. (In Russian)
- Polyakov A. V. [Communicative theory of law as a variant of an integral understanding of law]. *Pravovye idei i instituty v istoriko-teoreticheskom diskurse* [The legal ideas and institutions in historical and theoretical discourse]. Moscow, 2008, pp. 175–190. (In Russian)



Polyakov A. V. [Russian theoretical legal thought]. *Nash trudnyi put' k pravu [Our difficult path to the right]*. Ed. by V. S. Nersesanc. Moscow, 2006, pp. 232–242. (In Russian)

Polyakov A. V. *Mozhet li pravo byt' nepravym? [Can the right to be wrong?]*. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 1997, no. 4, pp. 83–101. (In Russian)

Polyakov A. V. *Obshchaia teoriia prava: fenomenologo-kommunikativnyi podkhod [General Theory of Law: phenomenological-communicative approach]*. Lecture course. St. Petersburg, 2003. 845 p. (In Russian)

Polyakov A. V. *Obshchaia teoriia prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda [General Theory of Law: the problem of interpretation in the context of the communicative approach]*. Textbook for High Schools. St. Petersburg, 2004. 864 p. (In Russian)

Polyakov A. V. *Obshchaia teoriia prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda [General Theory of Law: the problem of interpretation in the context of the communicative approach]*. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 832 p. (In Russian)

Polyakov A. V. *Postklassicheskoe pravovedenie i ideia kommunikatsii [Post-classical jurisprudence and the idea of communication]*. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 2006, no. 2, pp. 26–43. (In Russian)

Pososhkov I. T. *Soch. [Works]*. Moscow, 1842. 346 p. (In Russian)

*Pravosoznanie rossiiskogo obshchestva [Legal awareness of Russian society]*. Eds. V. V. Sorokin, A. A. Vasilieva. Barnaul, Azbuka Publ., 2014. 251 p. (In Russian)

Semitko A. P. *Russkaia pravovaia kul'tura: mifologicheskie i sotsial'no-ekonomicheskie istoki i predposylki [Russian legal culture: mythological and socio-economic origins and background]*. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*, 1992, no. 10, pp. 108–113. (In Russian)

Sinyukov V. N. *Rossiiskaia pravovaia sistema: voprosy teorii. Avtoref. dis. d-ra iurid. nauk [The Russian legal system: problems of the theory. Thesis of Doctor of Laws diss.]*. Saratov, 1995. 48 p. (In Russian)

Sorokin V. V. *Poniatie i sushchnost' prava v dukhovnoi kul'ture Rossii [The concept and essence of law in the spiritual culture of Russia]*. Moscow, 2006. 456 p. (In Russian)

Sorokin V. V. *Poniatie sovesti v pravovom izmerenii [The concept of conscience in legal measurement]*. *Istoriia gosudarstva i prava [History of State and Law]*, 2009, no. 21, pp. 2–6. (In Russian)

Tomsinov V. A. *Iurisprudentsiia Drevnei Rusi i pravovaia kul'tura Vizantii [Jurisprudence of ancient Russia and Byzantine legal culture]*. *Bulletin of Moscow University. Series 11. Right*, 2009, no. 4, pp. 3–26. (In Russian)

Tyurin M. G. *Arkhetyipy natsional'noi pravovoi kul'tury. Avtoref. dis. kand. iurid. nauk [Archetypes of the national legal culture. Thesis of PhD of Legal Sciences diss.]*. Rostov-on-Don, 2008. 29 p. (In Russian)

Varlamov N. V. *Rossiiskaia teoriia prava v poiskakh paradigmy [Russian theory of law in search of a paradigm]*. *Zhurnal rossiiskogo prava [Magazine of the Russian right]*, 2009, no. 12, pp. 68–84. (In Russian)

Yaschenko A. S. *Filosofiia prava Vladimira Solov'eva. Teoriia federalizma. Opyt sinteticheskoi teorii prava i gosudarstva [Legal philosophy of Vladimir Solovyov. The theory of federalism. Experience the synthetic theory of law and state]*. St. Petersburg, Aletheia Publisher Publ., 1999. 256 p. (In Russian)